

Андрей ДМИТРИЕВ

*

1-я Конная —
прошла волной —
смыла со стен иконы,
вспенила бабий вой
на днище ржавой беды,
слизнула с кровель росу,
мёртвого сына принесла к живому отцу,
а к живому сыну с кровавым клочком бороды —
отца убиенного. Из-под копыт —
летели в глаза Бажова
самоцветы — на всякий калибр.
У солдатешек-ребятушек жёны —
пушки, и вот, знать, чем заряжены,
так что можно бы было без рифм...

2-я Конная —
опустошила предел
между землёй — исконным
пастбищем — и небом, которому тел
небесных не вынянчить
без млека млечных путей.
Ворвались многие тысячи
сабель и копий ко всем, кто хотел,
чтоб обошлось,
чтоб солнце вернулось на круг —
теперь этот грубый шов
век поминает иглу.

3-я Конная —
накрыла всех с головой —
запеленала окна,
за которыми скорбной совой
ухает колокол чащи —
сплав хвои и бересты,
а то, что осыпалось в настоящем —
сметёт хвост болезной лисы
в ладонь запылённую.
Сидит на крыльце Орфей —
поёт про 4-ю Конную,
что — будто бы — всех сильней...

*

Вот — дерево,
оно — дуб,
оно поверило
в непогрешимость губ,
с которых слетело имя,
что вырезано на коре,
но буквы затянуты липкими и тугими
смолами, да и зима на дворе...

Вот — дерево,
оно — ясень,
оно в вопросах материи
в виде хвороста огнеопасно,
а так — статический символ
задеревенелости вящей —
набранный кем-то курсивом
филологический ящер.

Вот — дерево,
оно — клён,
оно течёт по артериям
будто бы под уклон,
но выпорхнет из древесины
бабочка-бензопила,
и в ворохе стружек невыносимо
запахнет тем, что сгорит дотла.

Вот — дерево,
оно — ольха,
если вокруг — истерика,
с нею не до греха —
жить бы да жить под сенью
в шорохе юной листвы,
хоть рядом — собака на сене
с растерзанным трупом лисы.

Вот — дерево,
оно — сосна,
оно для нашего севера —
свечка под образа,
однако ветер подует,
и хвои огонь задрожит
в зелёном своём испуге
за эту древесную жизнь...

*

Когда земля
стояла на трёх китах,
и словом «зима»
хотелось себя огибать
звонче и крепче —
росли в высоту города
на костях человеческих,
но так была молода
мать богов —
белила и пудрила щёки,
красила губы, с которых легко
слетала воздушным шёлком
небесная речь —
прозрачная на свету.
Всё лишнее решили отсечь —
по нынешний день секут...

Сидишь с чашкой кофе
в утренней простоте —
без мыслей о катастрофе,
без пламени на хвосте —
а в дальнем углу пространства,
где сбилась в остатке тень —
уже тридевятое царство
бросает себя на плетень.

Но тройка китов — эпична,
и булка земли — свежа,
пока не чиркнули спичкой,
крича «пожар!»

*

Шляпа — кругла
вокруг головы,
широкопола, как крыша ума
носителя, что, увы,
порой не хозяин
ни шляпе, ни голове...
Он с раннего детства — раззява,
ему бы рыскать в траве
в поисках связки ключей,
выпавшей из кармана,
или монет — ещё более мелких вещей —
но в шляпе он — Иван Карамазов,
рассеянный Дон Жуан,
забывший, что сердце — камень
у статуй убитым мужьям —
да ещё донжуановыми руками.

Глядишь из окна:
шляпа — предмет искусства —
будто б слегка велика,
а, может, это лишь чувство
узости разума,
воплощённого в голове
всех носителей разом —
живущих в абстрактной Москве
или — уж если ещё абстрактней —
в Павлове-на-Оке.
На-ка —
и ты примерь
в своих Уренгое,
Кинишме или Ухте.
Хватит пустых аллегорий —
сам же быть в шляпе хотел.

Вечер сгустил тона.
Серая моль над шкафом,
но всё, что реальность дала,
ты ещё не прошляпил...

*

Не выходи из комнаты,
а также из кухни,
где эстетика происходит от чувства голода,
из воды — даже, если на берегу сухо,
а в воде — неуютно и сыро,
из рыцарской цитадели —
несмотря на то, что осада снята и цифры
статистики убитых драконов успели
заметно вырасти в окрестностях замка,
из партии, в которой уже уплачены взносы,
из полицейского автозака,
потому что давно ночь и осень...

Считай, что тебя продуло,
что ты оставлен на второй год
в школе злословия, что невозможно со стула
встать и уйти, если он электрический — вот,
кстати, счёт за энергоносители, что ты — ослеп
и видишь пространство лишь чёрным кубом,
что ты живёшь верхом на осле,
которому в душных теснинах любо.

Поймай босанову,
поймай, в конце концов, моль
у шкафа, что снова и снова
забаррикадировал расу, и антресоль
пусть символизирует планку,
поднятую тобою.
В общем, не выходи, гуляка —
останься сливаться с обоями...

*

Ищу новые звуки —
нахожу новую скуку
с прежним тембром и фоном —
даже звон фарфора,
разбитого о паркет,
сказал бы больше о свойстве планет,

о хрупкости мира,
о том, что заложник квартиры —
адепт либо веника, либо дивана
между за дверь выходящими в будни делами.

На подоконнике — кошка
слегка огорошена
стаей каких-то птиц,
что не знают границ,
поэтому не привязаны к тексту,
а просто — добавили перьев в тесто.
Но воздушным ли будет пирог?
Окна, смотрящие на восток —
это тоже попытка найти ответ
на вопрос, шелестящий в листве
или сохнувший на бельевой верёвке
в свете спелого солнца, ловко
взобравшегося на ту
точку неба, где ловить бы его налету,
да пирог не вышел воздушным,
и в зенит не подняться — сколько б ни скушал.

«Не ищи ничего —
кроме себя самого», —
то ли шёпот потусторонний,
то ли карканье вон той вороны,
что выбрала мой карниз
чем-то вроде зоны без виз.

«Не смотри никуда —
только на то, как вода
занимает объём стакана», —
журчит струя из-под крана.
А за спиной — в рупоре коридора —
слышится звон фарфора...

*

В широкополой шляпе
и ветхом плаще
легко показаться шатким
в мире вещей

героем психологической прозы —
неузнанным и сухим
на нитке постной,
сшивающей лоскутки
каких-то аллюзий
и низколетящих смыслов.
Катишься шариком в лузу
от борта, где размазали хоккеиста
из известной команды,
шепча: и всё-таки — она вертится.
С ломкой загадкой взгляда,
с нарывающим заусенцем...

Серый, сутулый, нескладный —
разбившийся на абзацы,
в диапазоне — от Гоголя до Сартра —
и шире — до автостанции,
где пишется на коленке
провинциальным автором
повесть о маленьком человеке
пока возится с радиатором
водитель в тельняшке.
Эдакий Мышкин —
бедняжка
прямиком из Швейцарии, где не вышло
полностью излечиться —
вот и дивисься тополиному пуху —
дескать, из крыльев ангельских. Чисто —
лопух лопухий
возле бабушкиного забора
в селе, позабывшем имя
свое, но запомнившем вора,
что, видя добро — никогда не проходит мимо.

Встанешь у зеркала —
шляпа на лоб, за воротом
терпко дымится сера,
и сердце встревоженным вороном
уже готово для крика...
«Доброе утро, последний герой», —
скрипнет виниловая пластинка
под иглой,
на которой теперь Виктор Цой...

*

Вверх по Волге
тянули долго.
Лямка натёрла,
да высохло горло,
а на барже — дорогое сукно
просится из сундуков
к портному ловкому в оборот,
а на барже — на каждый борт
поставлены бочки с мёдом стоялым,
с вином из заморских ягод,
с которым беда — лебеда,
а радость — без большого труда,
на барже — золото и серебро
олицетворяют добро,
хотя говорят — из-за них всё зло,
но нам, видимо, повезло...

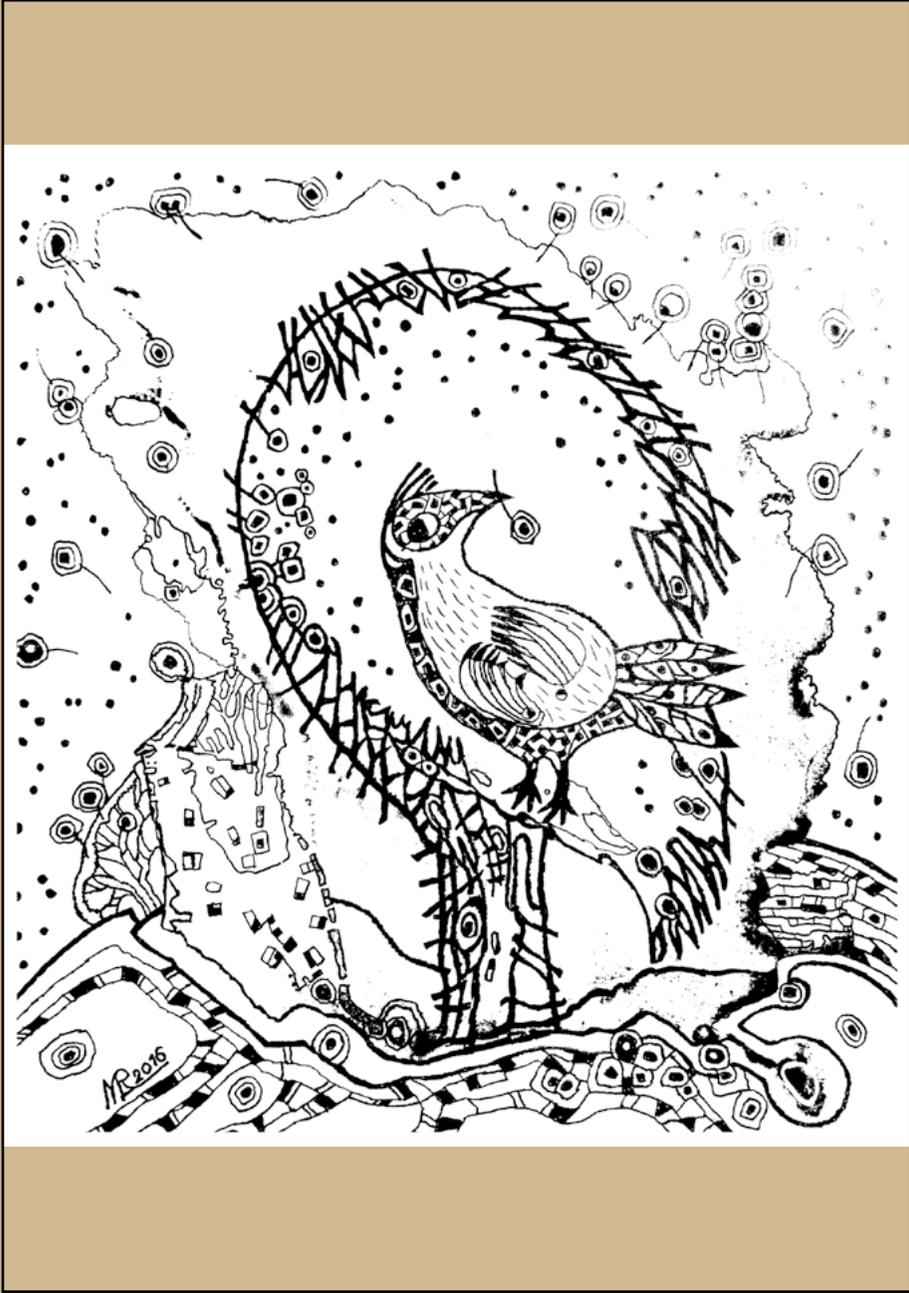
Речная чайка —
кричала-кричала,
кружила-кружила,
видя, как жилы
тянет кудлатый бурлак,
как красен его кулак
и ветром выметено лицо,
что на завтрак — яйцо
да кружка белого молока,
а чайку кормит река,
впрочем, плотвы не поймать пока.

Там — на барже —
рыба есть на продажу —
осетрина и стерлядь,
а ещё треска с севера.

Чайка, чайка, лети мимо —
это не про твою честь, вестимо.
На барже — наточенные клинки —
в руке легки,
в бою смертельны.
Бурлаки — дюжей артелью
трут пятками берег,
измеряя в длину империю,
в которой та булатная сталь
не залежится, как встарь.

В небе солнце
катится тусклым червонцем
да мимо кармана.
За ним русский с Библией, татарин с Кораном,
чуваш с присказкой,
мариец с расписным коромыслом,
удмурт с древней песней
и мордвин с дыханием леса,
а всё не догнать...
Так и длятся в пути берега.

А на барже — мешки зерна —
то, чем беременна вновь земля.
Вот дотянем до места — глядишь и опять зима.

Графика Марины Коломеец